

ПРАВАБОУШКА



ПУТЬ
Книга 3, 2023

«СЕРЕДИНА МНОГОДОРОЖНОГО МИРА»

СТРЕМИТЬСЯ В ПАРИЖ ЗА ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ –
СТОЛИЦУ МОДЫ, ИСКУССТВ, НАУК И ТЕХНОЛОГИЙ...
ЭТИМ ЖИЛ РУССКИЙ МИР В РОМАНТИЧНЫЙ XIX ВЕК
И В ИЗЫСКАННЫЙ ВЕК СЕРЕБРЯНЫЙ. НА ВОЛНЕ
ЭМИГРАЦИИ 1920-Х ПАРИЖ СТАЛ ДОМОМ ДЛЯ ТЫСЯЧ
РУССКИХ, ИСКАВШИХ НА БЕРЕГАХ СЕНЫ СПАСЕНИЯ
И УТЕШЕНИЯ В ЕГО КРАСОТЕ. О ЖИЗНИ В ПАРИЖЕ,
НОСТАЛЬГИИ И ГОСТЕПРИИМСТВЕ БЕЗУПРЕЧНОГО
LE BRISTOL PARIS – В ПУТЕШЕСТВИИ С ПРАВАВОУШКА.

Le Bristol Paris можно смело назвать самым парижским Паласом французской столицы





Многие номера выходят на знаменитый сад Бристоля с цветущими изгородями, вечнозелеными деревьями и лужайками.

ГОРОД ГРЕЗ И МУЗ СТАЛ ДОМОМ ДЛЯ ТЫСЯЧ РУССКИХ – НЕ ИЗГНАННИКОВ, А ИМЕННО ЭМИГРАНТОВ, КАК ПОДЧЕРКИВАЛ ИВАН БУНИН, ДОБРОВОЛЬНО ПОКИНУВШИХ РОДИНУ, ЧТОБЫ СОХРАНИТЬ ИСКОННО РУССКУЮ КУЛЬТУРУ



Из других номеров можно любоваться видом на знаменитые парижские крыши

ЭТА ПАРАЛЛЕЛЬ —
РОССИЯ И ФРАНЦИЯ —
СЛОВНО СЕРДЕЧНЫЙ РИТМ,
ПУЛЬСИРОВАЛА В СЕРДЦЕ
КАЖДОГО ЭМИГРАНТА

«Париж, куда мы приехали в самом конце марта, встретил нас не только радостной красотой своей весны, но и особенным многолюдством русских, многие имена которых были известны не только всей России, но и Европе, — тут были некоторые уцелевшие Великие князья, миллионеры из дельцов, знаменитые политические и общественные деятели, депутаты Государственной думы, писатели, художники, журналисты, музыканты, и все были, невзирая ни на что, преисполнены надежд на возрождение России и возбуждены своей новой жизнью и той разнообразной деятельностью, которая развивалась все более и более на всех поприщах», — таким запомнился Париж 1920-х Ирине Одоевцевой.

Город грез и муз стал домом для тысяч русских — не изгнанников, а именно эмигрантов, как подчеркивал Иван Бунин, добровольно покинувших Родину, чтобы сохранить исконно русскую культуру. Рассеялись они по всему миру, но именно Великий Город стал центром притяжения для «больших русских поэтов и писателей», и Париж, а не Москву в шутку стали называть «столицей русской литературы».

Эта параллель — Россия и Франция — словно сердечный ритм, пульсировала в сердце каждого эмигранта. И в разговорах в уютном кафе-шантане в Пасси или в ресторане на Елисейских Полях — нет-нет да прозвучит, «а помните, как Вы мне однажды, когда мы гуляли в Летнем саду, сказали...» или «на Елисейских полях так прелестно цветут каштаны, как у нас...»

В каждом русском сердце билась тоска по дому и всюду в Париже хотелось найти свое, родное, «домашнее». Нелучаен «Домашний Париж» Александра Куприна. Он стремится заглянуть в душу большого города, и всюду глаз ищет знакомые образы — напоминание о родной Москве.



ПАРИЖ ВО ВСЕ СТОРОНЫ ЖИЗНИ: И В НАУКУ, И В ЗАБАВУ, И В ИСКУССТВО – ВНОСИТ ДВЕ СТОЙКИЕ ЧЕРТЫ: ИЗЯЩЕСТВО И ЗАКОНЧЕННОСТЬ

В словах песенки парижского шансонье слышится Арбат: «Я проходил сегодня утром по старой улице Арбалет, где в давние годы наши предки занимались благородным искусством стрельбы из лука... Улица была тиха, прохладна и пуста, а вокруг нее со всех сторон ревел, грохотал, гудел, свистел огромный, жаркий, как раскаленная печь, Париж...»

Вот кто-то кормит голубей и воробьев, которые «подбирают хлебные крошки у самых ног человека и почти из рук, что можно увидеть ежедневно в Париже, повсюду, где есть только скамьи для прохожих и древесная листва над ней, хотя бы даже на Елисейских полях. Парижские голуби очень красивы. Они стройны, тонки и грациозны. Оперение у них палевое. На стриженных парковых газонах, на их чистой, свежей, прелестной зелени они кажутся почти розовыми, и это соединение цветов необыкновенно радует глаз. Здесь я не видел голубей в таких огромных массах, в каких слетаются чугунно-сизые голуби на Красную площадь в Москве. Но однажды, вместе с покойным В. А. Рышковым, из его чердачной вышки на улице Турнефор, мы с умилением и с беззлой завистью наблюдали, как напротив нас, через улицу, высунувшись из какой-то клетушки над седьмым этажом, гонял неведомый нам охотник отличную стаю любительских голубей. И совсем как в Москве, посвистывал он тонко и резко на особый лад и так же размахивал в воздухе длинным шестом с привязанной на конце его тряпкой».

Или вдруг — старинный экипаж с извозчиком, и снова защемило сердце. «И ты, о незабвенный парижский фиакр! Какая сладкая грусть сжимает мое сердце, когда я думаю о нашем милом, еще столь недалеком прошлом, которое так тесно было связано с лошадьё и кучером. Вспомните почтовые кареты, запряженные четверкою, рожок почтальона, щелканье бича и чудесные, забавные дорожные приключения. Тогда наши веселые прабабушки носили прелестные шляпки кибиточкой, с широкими лентами, завязанными бантом на длинных тонких шейках, а талии их платьев были так высоки, черные мушки на румяных личиках были так красноречивы, а маленькие ножки так изящны...»

И так на каждом шагу. «Вот у меня постоянно Париж и Москва... Когда-нибудь, если найду время, я приведу десятки характерных бытовых черт, чудесно общих для двух этих старых городов. А ведь сколько наблюдательных и вдумчивых людей говорило: "Сам не могу понять, чем мне Париж так напоминает Москву?" Или это болезненные признаки ностальгии? Но разница в том, что Париж во все стороны жизни: и в науку, и в забаву, и в искусство — вносит две стойкие черты: изящество и законченность».



Те, кому повезет, могут повстречать на лестнице Сократа — кота бирманской породы, резидента отеля.

Новый Azur Terrace Suite с террасой и видом на знаменитый сад отеля. Дизайном номера занимались совладелицы Le Bristol Нарциса и Эльвира Эткер; по их приглашению в украшении Azur Terrace Suite участвовала художница Аньес Сандаль.



СЕГОДНЯ, ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС — ЧУВСТВОВАТЬ ГАРМОНИЮ И СЧАСТЬЕ

Сегодня, здесь и сейчас — чувствовать гармонию и счастье. Наслаждаясь красотой мира, хрустящим крауссаном, ароматами духов и терпкостью вина. Читать книгу в Люксембургском саду в парижский полдень. Просто дышать Парижем, жить, радоваться и шутить. Юмор стал одним из мостков из Москвы в Париж. Как говорила Надежда Тэффи, «великая умница-остроумница», по признанию Бунина: «Дать человеку возможность посмеяться, не менее важно, чем подать нищему милостыню. Или кусок хлеба. Посмеешься — и голод не так мучает. Кто спит — тот обедает, а по-моему — кто смеется, тот наедается досыта. Или почти досыта».

Париж учил улыбаться пронзительно синему небу и... дверной вывеске. Например, корове в шали и шляпке кибиточкой на шнурках — как в *Voieuf à la mode* в квартале от Лувра. В 1920-е это один из самых знаменитых в Париже ресторанов — с полуторавековой историей, первый «а ля карт», поражавший гостей изысканной провансальской кухней. Внук и сын рестораторов, амбициозный молодой человек Ипполит Жамме тоже реализовал свое чувство прекрасного — открыл знаменитый на весь мир отель-палас Le Bristol Paris.

В 1923 году Жамме обнаружил особняк XVIII века, ранее принадлежавший графу Жулю де Кастеллану, под номером 112 по улице Фобур-Сент-Оноре. Расположение идеальное: в самом центре Парижа, в двух шагах от Елисейского дворца, но вдали от шума и суеты столицы. Жамме было 30 лет, когда он приобрел недвижимость, чтобы построить отель мечты.



«Теперь Париж бешено строится. Каменщичья работа в большом спросе и в высокой цене. Парижские каменщики совсем похожи на русских (Мещовского уезда, Калужской губернии). Так же беззаботно ходят они по узким балкам на седьмом этаже, так же громко, весело поют во время работы, так же кротки нравом, так же крепки в артельном быте, так же емки, когда едят, и так же всей большой сотруднической ватагой валят в ближайший простенький ресторанчик», — писал Куприн о строительном буме в Париже 1920-х.

Сносились ветшавшие дворцы и замки, их место занимали высотные доходные дома, но непременно в парижском духе — с французскими балкончиками и молочной белизной стен, нежной, особенно на фоне неба, когда оно бывает густо- и ясно-голубым.

Гигантская стройка смущала парижан и русских эмигрантов своим размахом, но, когда снимались строительные леса, даже скептики признавали, что Великий Город становится только краше. Как это случилось с замком XVIII века La Muette, в котором гостили Мария Медичи и маркиза Помпадур, а герцогиня Беррийская принимала Петра Великого. Замок в 1920-е отстроили заново, сохранив старинные черты и наполнив новым содержанием.

Еще более бережно подошли к историческому наследию в Le Bristol Paris — сочетая ультрасовременный комфорт и французский art de vivre, изысканный стиль Людовика XV, грациозность эпохи Людовика XVI и современные элементы. Le Bristol Paris стал первым в мире отелем с кондиционерами и room service — с помощью кухонных лифтов и присутствия метродотеля на каждом этаже.

Путешествие в радость, отель как дом — это тоже очень по-французски. И неслучайно в названии отеля зашифровано имя известного географа и путешественника XVIII века, Фредерика Огюста Хервея, четвертого графа в роду де Бристолей, известного большим пристрастием к комфорту в путешествиях. Le Bristol Paris открылся в 1925 году и дал новое определение роскоши: безупречный сервис, парижская элегантность, изящество и законченность, которыми восторгался Куприн.

Русские эмигранты особенно остро чувствовали это ощущение дома, детства, уюта, когда можно ни о чем не беспокоиться. Как в набоковской «Парижской поэме»: «Очутиться в начале пути.., и в собственном детстве кончик спутанной нити найти. И распутать себя осторожно, как подарок, как чудо, и стать серединою многодорожного громогласного мира опять». И отдохнуть, наслаждаясь великолепием и блеском, солнцем, лазурным небом и белыми, до кипенного, домами на парижских улочках: «...И по солнцу на мне и во мне, и по белым гигантам в лазурь, что стремятся ко мне напрямик, по сверканью, по мощи, прищуриться и узнать свой сегодняшний миг...»



Le Bar du Bristol

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ
ОСОБЕННО ОСТРО ЧУВСТВОВАЛИ
ЭТО ОЩУЩЕНИЕ ДОМА, ДЕТСТВА,
УЮТА, КОГДА МОЖНО НИ О ЧЕМ
НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ

«ОЧУТИТЬСЯ В НАЧАЛЕ ПУТИ..,
И В СОБСТВЕННОМ ДЕТСТВЕ КОНЧИК
СПУТАННОЙ НИТИ НАЙТИ. И РАСПУТАТЬ
СЕБЯ ОСТОРОЖНО, КАК ПОДАРОК,
КАК ЧУДО, И СТАТЬ СЕРЕДИНОЮ
МНОГОДОРОЖНОГО ГРОМОГЛАСНОГО
МИРА ОПЯТЬ» ®

